

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
«АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗЛИШЕСТВА»

Как полюбить
Москву
ИНСТРУКЦИЯ

Пешком по городу

Павел Гнилорыбов

**Архитектурные излишества: как
полюбить Москву. Инструкция**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 913(036)(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)я2

Гнилорыбов П. А.

Архитектурные излишества: как полюбить Москву. Инструкция /
П. А. Гнилорыбов — «Издательство АСТ», 2020 — (Пешком по
городу)

ISBN 978-5-17-119908-1

Просветительский проект «Архитектурные излишества» и его администратор, писатель Павел Гнилорыбов, представляют книгу-инструкцию, которая проведет вас по самым знаменитым достопримечательностям города, а также покажет его малоизвестные красоты, удивит царским великолепием дворцов и скромным обаянием узких улочек, разнообразием стилей и форм. Эту книгу нужно не читать — ее лучше сразу положить в сумку или рюкзак и отправиться в путь по маршрутам, которые она предлагает. Даже те, кто хорошо знает Москву, смогут увидеть ее с неизведанной раньше стороны — и, конечно, полюбить.

УДК 913(036)(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)я2

ISBN 978-5-17-119908-1

© Гнилорыбов П. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Смотрите на Москву широко открытыми глазами	6
Найдите любимый архитектурный стиль	8
Совершите несколько пробных прогулок	11
Дальние московские усадьбы	12
Старые парки	14
Кожевники	15
Шарикоподшипниковская	16
Перово и Новогиреево	17
Московская вода	18
Восточное Бирюлево	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Павел Гнилорыбов

Архитектурные излишества: как полюбить Москву. Инструкция

© Павел Гнилорыбов, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящаю эту книгу любимой Наташе

Гудит простор торжественнее месс,
Скользят виденья легкими стопами...
Я, как людские, слышу души мест,
Копящие пространственную память.

Они лишь внешне скованно немые, —
Таятся в них хвалы, хулы, раздоры, —
Свидетельствуют доли и холмы!
Витийствуют теснины и просторы!

Пространство берегает каждый след,
Как ни был он расплывчат или хрупок,
Ведя в магнитных лентах запись лет,
Добра и зла, поступков и уступок.

Живешь, с былым забывчиво протясь,
Но вдруг напомнит бедственность наследий,
Какие страшные куски пространств
Болят от совершавшихся трагедий!..

Юрий Ефремов, 1968

Смотрите на Москву широко открытыми глазами

Архитектура – самое доступное человеку искусство. Чтобы увидеть оригинальные полотна художников и вживую «пообщаться» со старинным холстом, нужно покинуть любимый диван, отправляясь в галерею или художественный музей. Столь же затратно по времени и деньгам личное соприкосновение с театром, оперой, цирком, кинематографом.

И здесь архитектура значительно выигрывает, ведь памятники разных эпох попадают на глаза каждый день, даже если мы не идем пешком, а едем на такси, электричке, пользуемся другим общественным транспортом.

В архитектуре, как в живописи и визуальных искусствах, нужна своеобразная «насмотренность», личное знакомство и зрительный контакт со зданием. Мы не призываем любить каждое встреченное строение. Достаточно ответить на несколько вопросов: какие эмоции оно у меня вызывает, нравится или, скорее же, нет? Чем руководствовались люди, когда его возводили? Кто был владельцем, может быть, личные взгляды и эстетические воззрения хозяина как-то отразились на постройке? Споры о вкусе уходят на второй план.

Можно провести параллели с кинематографом – человек волен выбирать сериалы о зомби, длинные мелодрамы, артхаус, короткометражки или документальное кино, но «Великого диктатора» или «Побег из Шоушенка» должен посмотреть каждый. Так и знакомство с архитектурой московских зданий (большим-большим списком шедевров первого и второго ряда) поможет вам приобрести «насмотренность», когда глаз сам начинает очищать здание от шелухи поздних пристроек. Вы научитесь видеть изначальные формы дома, поймете, какие этажи надстроены, как формировался участок, «прочитаете» множество краеведческих детективов локального характера.

Кроме того, вы сможете очаровать ворохом интересных фактов своего близкого человека. Городские улицы становятся гораздо насыщеннее, когда знаешь, где жил Достоевский и бродил Венечка Ерофеев, как раньше действовали почтовые службы и транспорт, в какой из маленьких музеев стоит заглянуть. Автор встречал немало пар, которые встретились и нашли друг друга благодаря краеведению. Многие специально приходят на экскурсии-прогулки, чтобы затем повторить маршрут со своей второй половинкой или семьей. Знание о городе освобождает от одиночества, дает невидимые крылья, позволяет настроиться на очень тонкий московский камертон.

Несомненно, в Москве выходит много краеведческой литературы, помогают группы в социальных сетях, музеи, выставки, экскурсионные проекты. Но все эти продукты не столь многочисленны и не охватывают значительного процента горожан. В последние годы стремительно растущая Москва воспринимается многими как не очень дружелюбное транзитное пространство либо площадка для заработка денег. Горожане старой закалки еще сильнее держатся за свои истоки и стереотипы, которые отчасти соответствуют действительности.

Сблизить и помирить всех способна только история Москвы, ее городская среда и архитектура. Чаще выходите на улицу в познавательных целях, выделяйте время, чтобы разобратся в этих иногда витиеватых, тонких, а иногда прямолинейных и грубых линиях зданий. «А я обучался азбуке с вывесок, листовая страница железа и жести», – писал Маяковский. В его эпоху самобытные, наивно исполненные вывески густо облепляли любое здание на оживленной улице и действительно были городским «алфавитом».

Изучение города сейчас – шанс найти серьезное увлечение на всю жизнь, перестать считать Москву «серой» (ведь это не соответствует действительности), понять, чем интересно Гольяново, Выхино или Тушино. Москва нуждается в осознанных горожанах, которые разбираются в архитектуре, истории, могут трактовать пространство, чтобы город окончательно не превратился в большое кочевье.

Москва всегда росла так, что было трудно отличить окраинные районы города от предместий. Очень часто в классической литературе мы встречаем пассажи: нетерпеливый пассажир интересуется – мол, мы уже в Москве? При этом окружающий пейзаж продолжает оставаться в основном сельским. Да, у Москвы были формальные границы до середины XVIII века – заставы и внутренние таможи, но дыхание города чувствовалось за пару десятков верст. Как же город прирастал окружающим пространством и затем причесывал его под свою гребенку? На эти вопросы тоже предстоит ответить.

Консерватору хотелось бы задержать Москву в границах Окружной дороги, а дальше не пускать. Мы всегда сталкивали лбом деревню и город, индивида и коллектив, лошадь и трактор. Выжечь все, что было до тебя, но так и остаться полугородским, полуобразованным, полуголодным. Все или ничего! В итоге на тысяче квадратных километров гуляет ветер, дымят ТЭЦ, щупальца метро захватывают еще пару кварталов, автобус едет до остановки «Хладокомбинат». Кладбищ нет. Деревья вырублены. Избушки раскатаны на дрова. Осталось в лучшем случае имя – Саларьево или Братеево, в худшем – Проектируемый проезд с условным номером 1234.

Песня «Московских окон негасимый свет» – про деревянные рамы, мороз на стекле, причудливый абажур. На улице Никольской не осталось ни одного оригинального старого окна. Все труднее рассказывать о Москве, где гипс и краска, рулонный газон и евроремонт «под ноль» берут свое. Москву тяжело любить тактильно, потому что новый год принесет очередной слой штукатурки, а потрескавшиеся дверные ручки будут заменены позолоченными копиями.

Но Москва на то и Москва, чтобы оставлять нам добрых духов. Они помогают нам на месте снесенного дома разметить шахматную доску комнат, а на старой кирпичной стене найти клеймо производителя. Любовь к Москве требует ювелирного зрения, напряжения мыслей, пытливых и сложных вопросов к себе и стране. Москва до невероятности развивает воображение, оно-то и позволяет увидеть на месте промзоны вишневый сад. Что останется, если исчезнет столица? Вселенское прозябание.

Найдите любимый архитектурный стиль

Архитектурные стили приходили и уходили вместе с модными тенденциями и новыми строительными материалами. Это живая цепочка, которая показывает, чем дышало общество и как эволюционировало. Смену предпочтений в архитектуре всегда нужно рассматривать неотрывно от повседневной жизни той поры, изучать оформление интерьеров, брать во внимание мощные социальные катаклизмы (скажем, революция 1917 года, прервавшая формирование одних стилей и породившая другие).

В Москве охраняется больше 8 тысяч зданий. Это значит, что государство признает культурно-историческую или архитектурную ценность дома – он или великолепен сам по себе, либо построен важным архитектором, либо же здесь произошли значительные события городского или всероссийского масштаба – Ленин выступал, Пушкин ночевал, Есенин стихи читал.

Еще многие сотни домов не имеют формального охранного статуса, но это те здания, которые достались нам, счастливым потомкам, чтобы познавать их, радоваться и размышлять. Найдите свой любимый стиль, чтобы выделять его представителей среди других домов. Возможно, вас заинтересует судьба архитектора, и вы изучите биографию Казакова, Баженова, Ухтомского, Львова, Тона, Каминского, Шехтеля, Щусева, Жолтовского, Павлова.

Многие не любят Москву за ее эклектичность и всеобщее смешение. Действительно, здесь из-за брежневской панельки может выглядывать конструктивистский дом, а рядом будут прятаться палаты XVII века. Но прелесть как раз и состоит в том, что бусинки одного ожерелья разбросаны по всему городу. В Москве вы найдете не очень много исторических ансамблей и комплексов, когда в ряд выстроились дома одного периода. Столица не подносит готовое знание на тарелке. Только вдумчивое изучение районов позволит воспринимать город «слоями», сложившимися за последние 500–600 лет.

За почти девять столетий своей истории столица много раз перестраивалась, перекраивалась по воле властей или силами стихии – ураганов, наводнений, болезней. Каждый из правителей принимал столицу как материал для упражнений и желал переделать на свой лад, сшить новый московский кафтан – так планировали Петр I, Екатерина II, Иосиф Сталин и Юрий Лужков. Но город – не застывший макет, а связь сложнейших элементов, поэтому устроить Москву «под себя» правителям удавалось только частично.

Со временем кровоточащие раны превращаются в исторические шрамы, зарубки на коре дерева, и мы воспринимаем их как часть московской истории. Скажем, резкую неприязнь в свое время вызывали и высокие доходные дома, и непонятный стиль модерн, и нынешний Новый Арбат.

Для критического осмысления архитектуры сейчас нужно десять-двадцать лет. Для новых высоток и «стекляшек» 1990-2000-х годов энтузиасты сейчас пытаются приспособить термин «капром» («капиталистический романтизм»). Нет юридических терминов для «красивой» и «некрасивой» архитектуры. Все, что строится в Москве, мы стараемся проанализировать, понять. Любить – необязательно, но на каждом здании стоит печать своего времени.

В Москве осталось мало следов первых веков существования города – основным материалом было дерево, на город почти каждый год обрушивались пожары. За русской архитектурой XII–XIV веков стоит отправляться в границы Новгородских, Псковских, Владимиро-Суздальских, Ростовских земель. Но с конца XV столетия, когда стали возводить краснокирпичный Кремль, в московской архитектуре практически нет «белых пятен» и подробно представлен каждый период.

Конечно, прежде всего от старинного города остаются церкви. В Москве есть и белокаменные соборы, и шатровые храмы XV–XVII столетий. Позже рождаются пестрые церкви с национальным оттенком – это времена узорочья и нарышкинского барокко. Храмы часто

украшались поливной глазурью и керамическими элементами, поэтому выглядят они словно живописная азбука 350-летней давности – тут и экзотические птицы, и растения из теплых стран. Видна страсть москвичей, живших во времена сурового холода, к теплу и морю.

Жилища простых горожан до нас дошли в меньшем количестве, потому что строились из не столь качественных материалов. Но гражданских построек XV–XVII веков в Москве довольно много. Боярские палаты располагаются внутри кварталов и вдалеке от шумных улиц – их строили обычно в глубине двора до появления современного понятия «красной линии» (линии сплошных фасадов). Поиск таких домов превращается в квест – например, древние палаты Титова со всех сторон окружены писательским домом в Лаврушинском переулке. Без путевода и не найдешь.

Каждый такой дом напоминает небольшую крепость – суровую, неприступную, крепко сложенную. Понятие комфорта для москвичей, видимо, было важнее категорий красоты. На каменные палаты часто ставили верхний этаж, выполненный из дерева.

В Москве XVII века были свои анклавы непривычного – например, Немецкая слобода, где жили зарубежные специалисты и обрусевшие иностранцы. Облик домов здесь отличался от московских, и Петр Великий, прорубая свое знаменитое окно в Европу, ориентировался прежде всего на западные стили. Восемнадцатый век дарит Москве россыпь дворянских усадеб, выполненных в стиле барокко и классицизма. Во времена Екатерины Второй рождается русская готика – достаточно вспомнить Царицыно или Петровский путевой дворец.

После пожара 1812 года камня для восстановления города не хватает, и приходится строить ампирные особнячки с мезонином из дерева, слегка оштукатуривая их, а то и вовсе имитируя камень деревянными дощечками. В церковном строительстве этого времени преобладает византийский стиль.

В годы правления Александра II москвичи начинают осознавать цену земельных участков – раньше город застраивали с низкой плотностью, и росла столица преимущественно вширь, а не вверх. Теперь бывшие аристократические участки активно заполняют доходными домами – увлеклись так, что построили 10-этажный дом Нирнзее в Гнездиновском переулке. В годы Серебряного века Москва очарована неорусским стилем, неповторимым модерном, неоготическими зданиями.

Интересна и промышленная архитектура тех лет – от водонапорных башен до фабричных корпусов. Красный кирпич за столетие обрел своеобразную бордовую «патину» и очень ценится на рынке – большинство лофтов, творческих кластеров возникают именно в таких помещениях рубежа 1890-1900-х. За несколько лет до революции появляется очередное прочтение классики – вновь правят бал дома со строгими колоннами и минимумом украшений. Стиль 1910-х годов – неоклассицизм или рациональный, усеченный модерн.

В 1918 году Москва возвращает себе столичный статус, проходит этапы конструктивистского жилья – очень много авангардных домов расположены компактно, целыми поселочками вроде Усачевки или Дубровки. В 1930-1950-е годы главенствующим стилем была сталинская классика, причем она очень разная – от больших ведомственных домов Тверской до малоэтажных районов с обширными дворами.

Никита Хрущев начал борьбу с «излишествами в архитектуре», но зодчие все равно старались даже в эпоху панельного строительства использовать необычные материалы, украшать дома и общественные здания мозаиками, быстрее вводить в оборот новые серии. Это время эффектных зданий советского модернизма.

Но именно с конца пятидесятых годов архитектор, конечно, оказался «задавлен» строительным комплексом. Сейчас профессия постепенно возвращает себе былую значимость. Архитектор – это художник, творец, от него требуется высочайшая квалификация. Если холст живописца можно уничтожить, то неудачный градостроительный проект будет «украшать» город много лет, от него просто так не избавиться.

В 1990-е и 2000-е годы творческая энергия архитекторов выплеснулась на улицы. В Москве появилось много ироничных, откровенно шуточных зданий эпохи постмодернизма. В наши дни зодчие работают строже и уже не построят дом-яйцо.

За каждой архитектурной эпохой города – сотни имен, надменные или пылкие заказчики, бессонные ночи архитекторов, творческие диспуты, любовь и ревность, весь спектр человеческих чувств. Всмотритесь в московские камни – они поведают о многом.

Совершите несколько пробных прогулок

Мы подобрали десяток нетривиальных маршрутов, которые помогут почувствовать культурный и исторический масштаб пространства, опоясанного 109-километровым кольцом МКАД. Дмитрий Пригов гулял не только по родному Беляеву, но также по Остоженке и Пречистенке – и оставил нам инструкцию:

А что Москва – на то она и есть Москва
Что насмерть поражает пришлеца
И так его ужасно поражает
Что у того и выбора уж нет —
До смерти оставаться пораженным
Или переходить к нам – в москвичи.

Дальние московские усадьбы

Москва неспешно поглощала села, переваривала деревянные дома, но усадебные и каменные не трогала. Внутри города находятся не только раскрученные Кусково и Царицыно (там как раз все вылизано сверх меры). Отправляйтесь в Свиблово (можно на велосипедах), где обустроена потрясающая пешеходная зона, или в Узкое.

Посмотрите на полуразрушенное Ясенево, оцените остатки бывшего великолепия в Воронцовском парке, представьтесь студентом-культурологом, чтобы попасть в усадьбу Черемушки (там сейчас институт гельминтологии, но вахтеры вроде бы хорошие). А еще на шестой трамвай – и в Братцево! Ах, да, и в Михалково – трехсотлетние дубы, огромные пруды и ворота в стиле баженовской готики. Московвед А. Н. Греч так писал о пришедшем в упадок комплексе в 1920-е годы: «...около готических башен ворот – трамвайная остановка; рядом с причудливой старинной архитектурой – жалкие и грязные, окруженные слякотью и нечистотами лачуги рабочих; перед липовым парком пруд, куда теперь стекают вонючие отходы с фабрики бывшей Иокиш. Но среди этих отвратительных всходов современной цивилизации, которые далеко не выкорчеваны социальной революцией, ради них произошедшей, высятся горделивые даже в своем разрушении остатки былой, великолепной жизни одного из сановников екатерининского времени.

Усадьба Грачевка в Ховрино – пример усадьбы, построенной на деньги богатого купца, Митрофана Грачева. Здание возводили по проекту Льва Николаевича Кекушева. Такие объекты делают окраины города и его спальные районы разнообразнее.

И кто знает, – заключает он свой очерк, – не предназначены ли на слом башни и беседки и не лягут ли завтра под топором двухсотлетние липы, уступив место стандартным рабочим жилищам в духе современной нивелирующей и безличной архитектуры». Греча, стоявшего у истоков изучения подмосковных усадеб, сначала бросили в лагерь, где он подхватил туберку-

лез, а в конце 1930-х расстреляли. В заключении он работал над книгой «Венок усадьбам», которую обнаружили только в 1990-е годы.

Старые парки

Москва пока впереди планеты всей по количеству зеленых насаждений: всегда приятно прогуливаться, искать старые фундаменты в Покровском-Стрешневе, на Воробьевых горах, в Царицыне. Прекрасны дальние аллеи Сокольников – там, где кончаются «культурные» дорожки и начинается Оленья роща со знаменитыми дачными гротами и деревянными домами. В советское время эти места даже воспевали в романсах.

На Оленьей улице в Сокольниках
Маленькая женщина живет.
Прилетают ночью к ней соколики,
И олень стучится у ворот.

Особняком стоит Филевский парк. Запад Москвы традиционно считается одним из лучших районов для проживания. В 1950-1960-х годах на месте бывших деревень развернулось активное жилищное строительство. Парк культуры и отдыха «Фили» городская суета, впрочем, обошла стороной. Здесь есть неплохая набережная, пляж с шезлонгами, повсеместно снуют белки, бегуны и велосипедисты, некоторые умудряются проделывать по 17–20 км ежедневно. Любители истории тоже разочарованы не будут: по здешним дорожкам гуляли герои тургеневского романа «Накануне», на территории парка находится одно из древнейших городищ Москвы, а в одноименной и давно застроенной деревне Михаил Кутузов в 1812 году проводил знаменитый военный совет. Непременно обойдите со всех сторон красивейший образец нарышкинского барокко – церковь Покрова в Филях. В серое московское небо устремляется яркий, праздничный кремовый торт.

Кожевники

Район за Павелецким вокзалом еще не успели полностью оккупировать бизнес-центры, просто так дух фабричной окраины конца позапрошлого века не вытравишь. Прогуляйтесь вдоль Дербеневской улицы, загляните в старые общежития с коваными лестницами 1900-1910-х годов, оцените огромную территорию бывшей мануфактуры Эмиля Цинделя. И, конечно же, постучитесь в палаты XVII века на Кожевнической улице.

Шарикоподшипниковская

Для начала попросите друзей-иностранцев прочесть это зубодробительное название! На улицу стоит заглянуть ради самого ценного здания современной столицы – бизнес-центра «Доминион», построенного по проекту Захи Хадид. Любителей модернизма удивят радужные мозаики на здании оружейного НИИ (впрочем, российские военные разработки частенько почему-то называются очень миролюбиво – то «Ромашка», то «Гиацинт»).

В пешей доступности – передовой для 1920-х годов рабочий поселок Дубровка и очень странный ассирийский храм, построенный в кирпиче в конце 90-х. А еще рядом находится Крутицкое подворье – отличное место для неторопливой прогулки, где можно на час-полтора перенестись в среднерусскую глубинку. Крутицами в старину называли высокий берег Москвы-реки.

Потрясающее сочетание допетровской архитектуры с низенькими домишками вокруг создает ощущение, что вы находитесь в уездном городке. Здесь сохранились мощенные булыжником тротуары, уличные фонари, стилизованные под старину. Площадку довольно часто используют для киносъемок, поэтому в теплый сезон здесь можно повстречать и барышень с зонтиками, и галантных кавалеров с тростью.

Перово и Новогиреево

Чуть больше ста лет назад Перово рекламировалось как самый престижный поселок недалеко от Москвы – 20 минут на трамвае до центра! Сейчас сюда стоит ехать ради роскошной барочной церкви XVIII века, застрявшего в прошлом кинотеатра «Владивосток», маленьких коттеджных домиков 1940-1950-х, здания пожарной каланчи, больше похожей на немецкую ратушу (последние объекты расположены вдоль Зеленого проспекта). В Терлецком парке сохранилась часть старой Владимирской дороги, по которой гнали заключенных (наматывать круги советуем с бессмертной песней Михаила Круга в наушниках). Стоит заглянуть в музей Вадима Сидура, найти «красный дом» художников и кинотеатр «Слава».

Московская вода

Почему-то в столице никто упорно не обращает внимания на воду. Мы не будем говорить о десятках спрятанных под землю речек. Даже вдоль Яузы можно проложить приличный прогулочный маршрут: если просто идти вдоль устья без навигатора, попадется усадьба «Высокие горы» с заросшим парком и ротондами, застройка Сыромятников, пустая улица Радио, Андроников монастырь и самое старое здание Москвы за его высокими стенами (XV век), мосты, дворцы и парки времен Екатерины Второй.

Сворачиваете с улицы Косыгина и идете вдоль Сетуни – вашему взору откроется и довольно трешевый «Сетуньский стан» каскадеров, и гольф-клуб времен перестройки, и церковь Троицы в бывшем селе Голенищеве, и мост старого Рублевского шоссе с мощными медальонами «1912». Выныривать рекомендуем в районе улицы Минской. Здесь когда-то стояла резиденция митрополита Киприана, а сейчас находятся задворки сталинской дачи, странное заваленное мусором Сетуньское поле и жилой комплекс «Золотые ключи».

Сплавляться по Сетуни – идея плохая: течение реки медленное и слишком часто перегорожено то коммуникациями, то упавшими деревьями. Еще один беспроигрышный вариант – любоваться шлюзами канала Москва – Волга (естественно, в строго отведенных местах в районе Покровского-Стрешнева и Тушина) или гидроузлом Карамышевского спрямления.

Восточное Бирюлево

Район ассоциируется в первую очередь с Покровской овощебазой или с заставкой из сериала «Моя прекрасная няня», но это даже не краеведческий янтарь, а как минимум сапфир. Малоэтажная застройка бывшего поселка Загорье, дендрарий, парк с прудами, водоем Дунай, названный по кличке утонувшего там коня. Гаражные кооперативы, водонапорные башни, заброшенные железнодорожные пути, огромная территория заводов «Огонек» и Бирюлевского стекольного, где изготовили саркофаг для Мавзолея Ленина. Потертые таблички овощных, дома культуры, настоящее погружение в мир рабочих железнодорожных поселков 1920-30-х годов – здесь соединились и перемешались в пестром калейдоскопе все приметы Москвы последнего века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.